

категориальную принадлежность «основ» равна по сути дела их категориальности невыраженности на русской почве. Естественно поэтому, что интернациональные форманты лишены свойств избирательности относительно категориальных характеристик производящих. Этот признак сохраняется за ними и в тех случаях, когда они сочетаются с русскими основами, которые при этом не группируются по категориальным свойствам (ср. *связист, значкист, ручник, отзовист* и под.).

В рецензируемой монографии существительные с интернациональными суффиксами изучаются в плане сходства с

исконным словообразованием. Изучение их в аспекте различий не получило развития. Но, по-видимому, в интересах всестороннего решения проблемы и этот аспект подлежит рассмотрению. Он мог бы способствовать расширению сложившихся представлений о словообразовании и обогащению теории в этой области языкознания.

Большой и тщательно описанный материал монографии И. Йирачека «Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке» принесет несомненную пользу в дальнейшей разработке проблемы.

В. Н. Хохлачева

А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. — Л., изд-во «Наука», 1971. 115 стр.

Проблема грамматической категории — одна из центральных проблем теоретической грамматики. Поэтому понятен тот интерес, который вызвала в кругах языковедов книга А. В. Бондарко, вышедшая в серии «Вопросы теории языкознания», издаваемой Научным Советом по теории советского языкознания при Отделении литературы и языка АН СССР. В последние годы внимание лингвистов вновь обращается к вопросам семантики не только в области лексики, но и в грамматике. Исходным принципом рецензируемой книги является принцип «от значения к форме».

Рецензируемая книга содержит, кроме предисловия и краткого заключения, две главы: «Функционально-семантические категории» (стр. 5—75) и «Общие и частные значения грамматических форм» (стр. 76—113). Тем самым проводится принцип «от общего к частному»: книга начинается с постановки более общих вопросов, выходящих за пределы грамматики, на что указывается и в заключении (стр. 113).

В первой главе излагается теория функционально-семантического поля, которая в целом представляется убедительной, так как открывает перед лингвистами различные пути всестороннего описания языка и показа его как ряда взаимосвязанных субсистем. Можно полностью согласиться с автором, что поля могут быть исследованы не только при синхронном подходе, но и в плане диахронии. Очень полезной может оказаться теория полей при сопоставительном изучении языков, которое в конечном итоге должно привести к системе универсалий.

Основные принципы теории функционально-семантических полей сводятся к следующему. Функционально-семантическое поле не относится к какому-либо

одному уровню языка: в его построении участвуют средства разных уровней, обладающие общими инвариантными семантическими признаками. Несомненный интерес представляет мысль о соотносительности значений, выражаемых грамматическими и лексическими средствами, а также положение о правомерности выделения полей только при наличии разнородных средств. Само поле, по мнению автора, отличается сложной структурой: в поле выделяется ядро — центр, вокруг которого располагается периферия. В качестве ядра выступает обычно морфологическая категория, свойства которой предопределяют эту роль. В морфологической категории, представляющей собой организованную структуру и характеризующейся свойством обязательности, инвариантное содержание поля находит наиболее «специализированное» выражение. Компонентами морфологической категории являются ряды грамматических форм — граммы; морфологическая категория и грамма находятся в иерархических отношениях. Новой представляется идея фона и спецификаторов (стр. 68—72). Фон — это тот элемент микрополя, который обуславливает его семантическую основу. Он может быть общим для нескольких микрополей. Спецификатор отличает данное микрополе от других микрополей с той же семантической основой. Различие этих понятий позволяет полнее описать строение некоторых полей, в частности поля темпоральности.

Внимание читателя безусловно привлечет раздел об использовании морфологических категорий в несобственных функциях (стр. 62 и сл.). Широко представленное в русском языке, как, впрочем, во многих других, явление транспозиции форм истолковано интересно и

верно. А. В. Бондарко доказывает, что несобственная функция формы находится в прямой зависимости от ее основного прямого назначения, а потому «при взаимном перекрепчивании морфологических категорий в плане содержания в виде „несобственных функций“ не происходит дублирования языковых средств, т. к. несобственные для данной категории функции не повторяют, а дополняют и обогащают тот репертуар „собственных“ средств, которыми располагает другая морфологическая категория» (стр. 64). Автор показывает, как при употреблении форм повелительного наклонения различия между совершенным и несовершенным видом могут быть использованы для передачи дополнительных модально-экспрессивных оттенков. Эту в целом верную характеристику можно было бы расширить, отметив связь с полем отрицания. При употребительном: *не показывайте чемоданов!* и невозможном: **не покажите чемоданов!* в определенном контексте используется экспрессивно окрашенное: *Смотрите только не покажите чемоданов!*, высказывание, которое оказывается двузначным, обозначающим, смотря по ситуации, предупреждение или угрозу.

В первой главе описываются также отдельные поля. Поля даются несколько схематично, иногда они только намечены; этот упрек относится в первую очередь к полям модальности и залоговости. Книга много выиграла бы, если бы в ней была полностью дана структура хотя бы одного поля. Без этого у читателя возникают вопросы относительно методики построения поля, а также принципов выделения микрополей. Следовало бы больше показать взаимодействие средств поля, которые дают основания для его выделения.

Много неясностей связано с понятием локализованности — нелокализованности. Неясен статус этого явления. Локализованность — нелокализованность трактуется автором как особая функционально-семантическая категория, т. е. поле (стр. 56—60), и вместе с тем — как дифференциальный признак категории вида (стр. 102). Возникающее при этой трактовке противоречие автор должен был бы разъяснить, указав на специфически подчиненный характер этой функционально-семантической категории.

Теоретически интересна и вторая глава, в которой рассматриваются такие принципиальные вопросы, как общее и частное значение грамматической формы, дифференциальные семантические признаки, разделенные на постоянные и переменные. Можно полностью согласиться с утверждением А. В. Бондарко о том, что «идея дифференцирующей роли устанавливаемых семантических признаков в системе форм и идея инвариантного отношения формы к данному признаку принципиально отличают рассматриваемую

концепцию семантического содержания формы от механического перечня отдельных значений» (стр. 81). Это полностью применимо и к анализу грамматических категорий на материале других языков.

На наш взгляд, удачным является предложенное автором применение оппозиций Н. С. Трубецкого к грамматическим формам русского глагола. Убедительны противопоставления по принципу эквиполентной оппозиции настоящего, прошедшего и будущего времени и по принципу привативной оппозиции прошедшего совершенного (с точки зрения признака временной локализованности действия) прошедшему несовершенному как маркированного члена оппозиции немаркированному. Прямой аналогии между градуальной оппозицией и соотношениями грамматических форм автор не проводит, что представляется правильным.

Все же при чтении и этой главы⁷ не возникает полной ясности по поводу ряда вопросов, в частности не уточняется соотношение общего значения и доминанты. Много вопросов вызывает методика выделения дифференциальных семантических признаков.

Остановимся на некоторых критических замечаниях общего характера. Название книги не полностью отражает ее содержание. В названии отсутствует даже упоминание о том, что в книге исследуются функционально-семантические категории, или функционально-семантические поля. Вместе с тем включение в название книги понятия контекста обязывает автора обратиться к теории контекста. Хотя по ходу изложения теории и практического анализа автор неоднократно обращается к контексту и показывает на конкретном материале его роль в формировании грамматических значений и их модификаций, теория контекста присутствует лишь имплицитно и в самом неопределенном виде. Так, контекст, в котором проявляется функционально-семантическая категория локализованности — нелокализованности, характеризуется автором как «контраст конкретной и абстрактной ситуации» (стр. 58). Эта слишком общая характеристика поясняется указанием на разные наречия, употребляющиеся в том или другом случае: *сейчас — всегда*. Очевидно, что на основе такого критерия нельзя разграничить разные виды контекста, ср.: *сейчас идет дождь, сейчас носят брючные костюмы*.

В книге рассматривается важная проблема транспозиции грамматических форм причем правильно замечается, что при транспозиции грамматическое значение формы не исчезает, а вступает в противоречие со значением контекста (стр. 94). Однако вряд ли можно согласиться с утверждением автора о том, что грамматическое значение формы в условиях

транспозиции оказывается образным, метафорическим. На наш взгляд, следует различать узувальную систему транспозиции грамматических форм, не создающую стилистического эффекта и не способствующую образному восприятию, и окказиональную, даже одноразовую транспозицию, применяемую в художественном произведении как стилистический прием. Только в последнем случае, пожалуй, можно говорить о метафоре в грамматике. Вообще идея переноса в область грамматики понятия метафоры, лингвистическое содержание которого и на лексическом уровне недостаточно определено, спорна, хотя и интересна.

Автор знаком со всеми основными работами по проблемам поля и грамматических категорий, хотя ограниченный объем книги не позволил ему не только подробно осветить историю вопроса, но даже упомянуть все работы, связанные с данной проблематикой; это, однако, и не входило в его задачу. Все же нельзя не упрекнуть автора в двойственном отношении к понятийным категориям И. И. Мещанинова. С одной стороны, автор стремится убедить читателя, что понятийные категории — это категории языковые (стр. 5—7), и подтверждает эту мысль цитатами из известной книги

И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» и других работ. В то же самое время А. В. Бондарко решительно отказывается от термина «понятийная категория», «поскольку он дает основания думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка» (стр. 8).

Сделанные замечания в большинстве носят дискуссионный характер, что свидетельствует о сложности рассматриваемых вопросов, таких же сложных и порою противоречивых, каким является сам язык. Рецензируемая книга заставляет читателя размышлять над существенно затрагиваемых вопросов.

В заключение хочется высоко оценить иллюстративный материал из классической и современной художественной литературы. Чувствуется любовное отношение автора к языку. Это выгодно отличает книгу А. В. Бондарко от чисто теоретических работ, носящих умозрительный характер.

Книга А. В. Бондарко свидетельствует о плодотворности теории полей, а также принципа «от содержания к форме» как одного из возможных при анализе языковых явлений.

В. А. Белошапкова, Е. В. Гулыга